Дневник офисного муравья

Автор:
Ирина Быстрова

Дневник офисного муравья

Ирина Быстрова

Ирине Лариной уже исполнилось тридцать три года. На работе у нее полнейшее болото. Больших денег нет и не предвидится. Заела рутина, шеф не ценит. В личной жизни - полный застой.

А тут еще интервью в деловом "глянце" с однокурсницей, в прошлом серой мышкой, а теперь бизнес-леди, которая сделала блестящую карьеру и теперь купается в немыслимой роскоши. Это интервью стало катализатором и последней каплей. Ирина решила, что все, хватит. И с героизмом, свойственным русским женщинам, она стоически прошла все девять кругов ада отечественного рекрутинга. Теперь у нее есть все, она стала всем необходима. Но что нужно самой Ирине?

Ирина Быстрова

Дневник офисного муравья

2009

20 марта, пятница. Если бы у меня был маленький Матисс, я бы продала его за 35 миллионов евро, купила бы себе домик в Англии и домик где-нибудь на теплом море и жила бы себе припеваючи, занимаясь тем, чем хочется, тогда,

когда хочется, и палец о палец не ударяя по поводу того, чего не хочется.

Мысль сия явилась ко мне, когда я, бродя по Сети, наткнулась на результаты аукциона коллекции Ив Сен-Лорана. Полотно Les coucous, tapis bleu et rose (кто бы еще знал, что это означает?) было продано за 35 905 ООО евро. Такой неплохой капитальчик…

А почему нет? Лезешь в пыльный чуланчик за какой-нибудь ерундой, а там, под этой самой ерундой, притаился такой маленький Матисс. Откуда взялся- неизвестно, но ведь не суть, верно? Главное, он есть, главное, он-мой. И вот сначала, конечно, немножко любуешься этим самым маленьким Матиссом, потому что-искусство. Но, честно говоря, Les coucous, tapis bleu et rose оставляет в недоумении и по части цвета, и по части кособокости вазочки, короче, Матисс- не то, отчего я закатываю глаза. Так, полюбовалась, и будет.

Идешь в «Кристис» и просишь этих ребят продать. Они, разумеется, завсегда. И вот капитальчик уже звенит у тебя в кармане. И вот уже у тебя совсем другая жизнь…

Черт, почему никогда, ну, совсем никогда со мной не происходит чего-нибудь подобного?!!

Почему со мной всегда с точностью до наоборот?

Что это значит? А это значит, что однажды ты приходишь на работу (которую тихо ненавидишь и за которую тебе в год платят в 2500 раз меньше, чем за того самого невзрачного Матисса за один раз), пашешь полдня как лошадь на благо дяди (из которого слово доброе нужно выжимать долго и нудно, а потом целую вечность жалеть о том, что все-таки его выжал), делаешь малюсе-е-енький такой кофе-брейк в надежде хоть на секундочку забыть о суете, а тут, как черт из табакерки, она. Подлянка во всей своей красе. Мало того, в глянце, на семьдесят восьмой странице.

В глянце делового толка, случайно завалявшемся в нашем офисе, на семьдесят восьмой странице я обнаружила-кого бы вы думали? – Людку Селезневу! И что, спрашивается, она там делала?

Она вещала. О том, как пробилась в партнеры. Что? А, ну да, понятно. Вы же ее не знаете. А те, кто знает, меня поймут.

Селезнева была такой средней, что не с чем ее даже сравнить. И еще она постоянно набивалась всем в друзья. Меня лично это бесило. А вот ко мне она как раз набивалась сильнее всего. Прямо как кошка. Собака, если ее шугануть, к тебе больше не подойдет, а кошка видит, что тебя от нее трясет, и нарочно лезет и лезет. За что кошек и не люблю. И Селезневу тоже. Поправка-не любила. Было это давно, в универе. Быльем поросло. И если бы не злополучная статья с фото, я бы о Селезневой не вспоминала еще долгие годы. И возможно, к лучшему. Потому что прямо начиная с того самого момента, случившегося, кстати, вчера, жизнь моя кардинальным образом изменилась. Пришлось наконец-то признаться себе, что с ней надо что-то делать… Но вы же сами знаете, как с этим «надо что-то делать» обстоят дела.

Ты просыпаешься утром и думаешь: «Ну, хватит, наверное, уже!» И в те десять минут между сном и принятием вертикальной позиции успеваешь помечтать о том, как именно стартуешь в свою новую жизнь. А потом встаешь… Идешь в ванную, пьешь кофе. Глаза постепенно раскрываются до своего нормального размера, видят будильник, и становится понятно, что уже пора бежать. Бежишь, прибегаешь на работу, потом то да се и… как-то уже сразу наступает вечер. В результате твое утреннее, бодрое и даже весело-агрессивное «Ну, хватит, наверное, уже!» плавится как воск и растворяется в дневной суете. Вечером же хочется одного-рухнуть.

Словом, внутренний импульс-не мой конек. Ни на что он пока меня не подвиг. Хотя, может, если дать ему чуть больше времени… Но уже поздно. Уже была Селезнева. И по ее поводу разговор с моей лучшей подругой Кэт.

Я позвонила ей и выложила новости про Селезня. С цитатами из глянца. Мол, какая она у них энергичная, перспективная, талантливая и прочая, прочая, прочая.

Кэт немного поразмышляла, а потом вдруг изрекла:

– Да-а, Селезень в партнерах, Кит в Испании, Ритка с тройней, Ленка в правительстве-словом, все при деле, и только мы с тобой-в полной ж… – И бросила трубку.

Кэт не в духе, подумала я, взглянула на глянцевую Селезневу, налила себе вторую чашку кофе и задумалась. То, что она сказала, – это, конечно, перебор, но в целом я была с Кэт согласна. Что-то надо делать. Причем срочно. Фото Селезневой на развороте задело меня за живое.

Может, для начала поискать новую работу?

22 марта, воскресенье. И вот сижу я сегодня и мусолю сама с собой эту тему про Селезневу и «не поискать ли мне новую работу?» и тут вдруг вспоминаю, что не далее как неделю назад мне был знак.

После обеда затрезвонил мой мобильный. Номер незнакомый.

– Ирина Ларина? – спросили у меня женским голосом. – Здравствуйте.

Кто это, черт возьми?

– Меня зовут Инга Подольская, агентство «Персонал-консалт-сервис». Помните нас?

– М-м-м… – Я затормозила.

– Вы отправляли нам свое резюме, – радостно сообщила мне мисс Подольская.

– А-а, – вспомнила я. – Так это было сто лет назад.

– Возможно, – парировала девица. – Но вот так уж вышло, что я на него наткнулась и решила позвонить вам. Узнать, рассматриваете ли предложения о работе?

– Ах, это, – сказала я. – Нет, уже не рассматриваю.

– Что так? Вас все устраивает на вашей работе? – Девица, похоже, удивилась.

– У меня свободный график.

– А-а, понятно, – вздохнула девица, – это аргумент.

Вот и весь разговор. Вернее, нет. Она еще предложила все-таки рассказать мне о вакансии. Я наотрез отказалась. После обеда клонило в сон, в общем, не до вакансий…

Ее вопрос: «Вас все устраивает на вашей работе?»-я тогда пропустила мимо ушей. Вспомнила о нем, только когда уже ехала домой. Конечно, меня не все устраивает. «Все устраивает»-это состояние первого года работы. Пока ты еще не во все въехал. И тогда тебе кажется, что все о'кей. Потом ты привыкаешь, окончательно осматриваешься и понимаешь, что… Что? Что не устраивает. Начинаешь пыхтеть, закипать, мучиться и прочей ерундой заниматься.

Потом, правда, может наступить фаза номер три-это когда тебя опять все начинает устраивать. Обычно это происходит после того, как ты побегаешь по рынку труда в поисках лучшей доли, поймешь, что на твоем месте еще очень даже можно жить, и возвращаешься на свое рабместо успокоенный. То есть иллюзий уже не питаешь, но и на душе не кипит. Но-до этого еще нужно дожить.

А я сейчас в состоянии фазы номер два под названием «не устраивает». Что именно? ЗП. Шеф со своей придурью. Коллектив-кто по какому поводу. Отсутствие перспектив. Плюсов два: свободный график и близость к дому. Не бог весть что. Но ведь держало.

Пока не объявилась Селезнева.

Короче, решила завтра ей позвонить. Не Селезневой, разумеется. А девице из агентства.

23 марта, понедельник. «А помните, вы мне звонили?»-спросила я девицу Подольскую. Она, как ни странно, помнила и даже мне обрадовалась. И наконец-то рассказала о вакансии.

Немцы, производство, перспективы, курсы, командировки в головной офис, страховки, обеды. ЗП-зашибись! И бонусы. Я, как под гипнозом, записываю ее имейл-чтобы выслать обновленное резюме. Прощаемся. Неожиданная мысль

заползает мне в голову: жизнь никогда уже не будет такой, как прежде. Прогнала ее-некогда расслабляться, надо писать резюме.

Ненавижу это занятие. Нет, я, конечно, понимала, что без резюме-никуда. И поэтому поначалу я совершенно спокойно ваяла свое жизнеописание и так же спокойно отправляла его по назначению. До тех пор пока однажды не залезла в Интернет и не наткнулась там на пару статей о том, как, собственно, должно быть написано резюме, чтобы… Вот именно, чтобы удачно запродать себя.

Я с изумлением узнала, что резюме-это не просто мое жизнеописание, а инструмент эффективной продажи. Тут-то меня и переклинило. Продавать я не умела. И не очень-то горевала об этом, поскольку, ну, не всем же идти в продажи! А оказалось, что всем. Вернее, мы все уже там. Как минимум потому, что бродим по рынку труда, предлагая на нем свою рабсилу.

Короче, если смотреть под этим углом, то, ясен перец, мое прежнее резюме никуда не годилось. Не впечатляло.

Задача была стать похитрее. Как-то выпятить плюсы, затушевать минусы, и все это-на одной странице шрифтом Times New Roman 12. Со вздохами и стонами я принялась за дело.

В девять вечера я пробежала глазами свой опус в последний раз. Могло бы быть и получше, да время поджимало. Я набрала адрес Подольской, черкнула ей пару строк и прицепила файл с резюме.

День пролетел незаметно. А если устроюсь к немцам, то…

Что тогда? Мурашки толпой ринулись вниз по спине. Эй, эй, а как же мой свободный график?

24 марта, вторник. Вчера до двух ночи ворочалась, думая лишь об одном.

Неужели действительно надо будет вставать в несусветную рань и торчать на работе девять часов, включая обед? И хорошо, если девять, потому что там, где платят три тысячи евро, малины ждать не приходится.

Да-да, три тысячи евро. И это в то время, когда весь мир уверенно вползает (или уже вполз?) в кризис. Да еще на фоне того, что мне за мой беспримерный бухгалтерский подвиг на том месте, где я сижу сейчас, платят смехотворно мало. Короче, именно «три тысячи евро» сыграли свою роковую роль. Не спросила, правда, по какому курсу, но если даже посчитать по докризисному минус подоходный налог… Девяносто одна в месяц-это почти миллион сто в год. Миллион!!!

Миллион-это та сумма, которая вполне может заставить забыть о свободном графике. Даже если это всего-навсего миллион в рублях. Все равно я еще никогда столько не получала.

А свободный график… В конце концов, тысячи людей работают на пятидневке, и никто еще от этого не умер. Если совсем уж не понравится, поработаю с годик-полтора, подкоплю денег, решу свои финансовые проблемы, а там уже буду думать дальше. Так что свободному графику придется потесниться в списке приоритетов и-да здравствуют немцы!

И потом, процесс-то уже пошел. Резюме отправлено. Мисс Подольская обещала позвонить завтра, сказать, когда собеседование.

25 марта, среда. А вчера вечером, между прочим, была встреча с друзьями.

Почему-то они все дружно на меня наехали. Все: Кэт, Тим и Юлька.

Весь смысл наезда можно выразить одной фразой: «А на черта тебе все это надо?» Они, видите ли, желали, чтобы я для себя определила, чего хочу. Это намек на то, что у меня с мотивировкой всегда слабовато.

Я, конечно, полезла в бутылку, как обычно бывает, когда они берут меня в оборот. Высказалась об отсутствии перспектив. Они посмотрели на меня как на тяжелобольную, а Кэт язвительно поинтересовалась, в чем вообще, на мой взгляд, заключаются перспективы для бухгалтера? Я что-то промычала, но быстро утухла: Кэт, понятное дело, права.

Потом в разговоре всплыла Селезнева. «О господи, эта!»-закатила глаза Кэт, и стало совершенно очевидно, что мотив «давайте утрем нос Селезню» здесь не пройдет, поскольку Селезня тут за персону не держат, а раз так, значит, и время на то, чтобы бежать с «неперсоной» марафон, нефиг тратить.

– Надоело! – в отчаянии вскрикнула я. Это, как ни странно, отклик нашло.

– Надоело-это сила, – согласился Тим. – С этим не поспоришь. – И тут же коварно добавил:-Но насколько надоело? По шкале от одного до десяти.

– Пятнадцать! – хором ответили Кэт и Юлька и заржали.

Это они о том, что я люблю все преувеличить. Ну ладно, не все, а в основном мои страдания от того, что я бухгалтер.

– Тогда надо менять не место работы, а профессию, – сказал Тим, правильно уловивший намек.

– Может, для разминки… – буркнула я, – пока…

– Ну, если только для разминки, – сказал Тим. Пронзил меня внимательным взглядом и добавил:-Смотри только-встрянешь, и назад дороги не будет.

Это точно. Так часто бывает. Двинешься куда-то, вроде как из любопытства или за компанию, и думаешь: «Ладно, посмотрю, а если что-свалю». А потом так увязаешь в этом процессе, что не выскочить.

Но я ж еще не увязла, верно? Так только, на подножку залезла. Могу и спрыгнуть.

Девица Подольская пока не позвонила. Жду-с…

26 марта, четверг. Как там бабушки-дедушки говорили? Человек предполагает, а кто-то там наверху располагает? В переводе на современный русский: нефиг губу раскатывать.

Подольская позвонила вчера, уже вечером.

– Как ваши дела, Ирина? – интересуется она.

– Спасибо, все нормально, – отвечаю я.

– Это хорошо, – говорит Инга тоном «ничего-хорошего».

Я настораживаюсь:

– Что-то не так?

– Немцы завернули ваше резюме, – после секундной паузы сообщает она.

– Что? – растерянно вопрошаю я. – Как это? С чего бы это?

Она ведь уверяла меня, что я пройду на ура.

– У вас нет опыта работы на производстве, – скучным голосом отвечает она.

– Нет, – соглашаюсь я, – но ведь мы с вами обсуждали это, и вы сказали, что это для них некритично.

– Да, – подтверждает Инга. – Вчера еще было некритично, а сегодня все изменилось.

– А что произошло-то? Или это тайна за семью печатями?

– Да нет, – подумав, говорит Подольская, – наверное, не тайна. Вчера у них приехал финансовый директор и заявил, что теперь им нужен только человек с опытом на производстве. И ладно бы у нас все кандидаты были, как вы, без опыта. Мы тогда могли бы говорить: ну, мол, господа, извините, других на данном этапе нет, кушайте, что подано. И скушали бы, – вздохнув, продолжает она. – Но вышло так, что из десяти кандидатов у шестерых в активе есть производство, поэтому ваше резюме на их фоне… Ваше и других трех соискателей. В общем, сами понимаете.

– И что теперь? – спрашиваю я.

– Все, – отвечает она. – С этим проектом не вышло. Других подходящих пока нет. Если появятся, вам сообщать?

– Конечно, сообщать! – восклицаю я. – Непременно сообщать. А… а когда они появятся?

– А кто это может знать? – вопросом на вопрос отвечает мне Подольская. – Как только, так сразу. Ага? До свидания, – прощается она.

– До свидания, – эхом повторяю я.

Кладу трубку. Делаю глубокий вдох. Потом выдох. А в принципе, если отбросить мою разгулявшуюся фантазию по поводу того, как быстро повысится мое благосостояние, ничего смертельного не произошло. Жизнь вполне может развиваться по тому же сценарию, по которому текла неделю назад. Ну и ладно.

27 марта, пятница. Вот уж воистину-иногда надо просто сесть на берегу реки, и рано или поздно по ней проплывет труп твоего врага. Я это к тому, что ответы на многие вопросы, которые роятся в голове, часто не надо искать с остервенением-они сами тебя найдут, дай им только такую возможность.

Вчера вроде как все вернулось на круги своя, но вот сегодня прямо с самого утра…

Дверь кабинета неожиданно распахивается, и на пороге возникает шеф.

– Какого черта, – рявкает он, – ты велела переделывать документы для ресторана.

– Ну, так потому что… – начинаю объяснять я.

– Короче, – перебивает меня шеф, – отбой. Все остается как есть, и нехрен ерундой заниматься.

Он бросает на меня свирепый взгляд и удаляется, не сказав больше ни слова.

Я чувствую, как стучит в висках. Кого я хочу обмануть? Жизнь не может развиваться по тому же сценарию, по которому текла неделю назад. По одной простой причине-я не хочу, чтобы все оставалось как есть. Я не хочу тут больше работать.

Я придвигаю к себе ноутбук и быстро набираю www.hh.ru (http://www.hh.ru/).

И вуаля! Вакансий-завались.

28 марта, суббота. Вот только уже к сегодняшнему дню у меня появился бо-олышой вопрос. Позвольте, а где предложения по три тысячи евро? Не то чтобы такой работы не было вообще-была, но там в обмен на деньги хотели знание ERP-систем, стратегический анализ прибыльности, построение финансовых моделей, управление кредитным портфелем, опыт работы в Big4 и еще с десяток таких же непонятных вещей.

Получается, что на три тысячи евро у меня нет ни знаний, ни умений. О'кей, о'кей, тогда сколько я со всем своим чудесным багажом стою?

Ага, зарплатомер. Прекрасно. Отвечаю на вопросы. И? «Вы можете рассчитывать на зарплату 30 000-37 000 рублей», – читаю я. Что?! У меня уже сейчас больше, и ясно, что мне реально недоплачивают.

Еще зарплатомер. Еще два десятка вопросов. «Ваша зарплата-50 000-70 000». О, это уже получше. Если хорошенько порыться в Сети, наверняка можно отыскать пару-тройку зарплатомеров, оценивающих тебя покруче. Это как с погодой: нельзя довольствоваться первым попавшимся сайтом-надо искать до тех пор, пока прогноз погоды не начнет тебя устраивать.

Ладно. Берем семьдесят и от этого пляшем.

29 марта, воскресенье. Почему-то все время думаю о шефе. В частности, о том, в какого потрясающего придурка он превратился.

Когда мы начинали вместе работать пять лет назад, он был вполне нормальным парнем. А потом пошли деньги и из него поперло. Стал демонстрировать нам, какой он великий и какие мы ничтожные. «Хотелось бы напомнить, – периодически говорил он, – кто здесь платит всем вам деньги».

Стоит кому-нибудь проявить независимость, как тут же ему предлагают покинуть рабочее место. Понятное дело, работать с послушными всегда удобнее, но далеко ли ты уйдешь с ними? Шеф, похоже, над этим не задумывается. Ему важнее всего-утвердиться.

Я? А что я? Я принимала правила игры. Потому что-свободный график. Но ведь рано или поздно все заканчивается.

31 марта, вторник. Количество отправленных резюме -11. Количество полученных ответов-0.

Что это значит? Что я никому не нужна?

Если так, то по какой такой причине? Опять мое резюме не выпячивает и не затушевывает?

Или просто оно где-нибудь затерялось? Что, во всех одиннадцати фирмах? В общем, вопросы… И настроение. То есть оно куда-то делось. А какое может быть настроение у человека, когда его отвергли? Ну, не то чтобы отвергли, но и не пожелали? Ответ-никакое, если не сказать хуже.

А еще родители добавили. Была у них вчера. Сказала, что ищу работу.

– Зачем? – искренне удивилась мама.

– Надоело, – ответила я.

Родители переглянулись. Сейчас начнут воспитывать, подумала я и отключила слух. И так известно, что они могут мне сказать. Типа от добра добра не ищут. И еще-хорошо там, где нас нет. Вот интересно, какая зараза это придумала? Так и

видится вредная старушонка, просидевшая всю жизнь за печкой и подышавшая свежим воздухом единственный раз в жизни, когда ее ногами вперед вынесли на собственные похороны.

Между прочим, у нас с родителями чудесные отношения. Но есть несколько тем, по которым мы не совпадаем. Секс, к примеру. Не знаю даже, что они в точности на этот счет думают, поскольку ни разу с ними об этом подробно не говорила. И работа. Вернее, мои смены работ. Что, собственно говоря, неудивительно, так как родители выросли в те времена, когда у нас по-японски работали по 40 лет на одном месте и гордились этим.

– И куда собралась? – прорвался в мои мысли мамин голос.

– За деньгами, – буркнула я.

– Да? – с сомнением спросила мама.

Я начала закипать. Похоже, у меня появился еще один повод устроиться на перспективную и высокооплачиваемую работу-родительский скептицизм. Так всегда и бывает-двигаешься по жизни не потому, что тебе так надо или приятно, а потому, что кто-то тебя на это спровоцировал.

Поделилась этими мыслями с Юлькой. Позвонила ей сразу после того, как вернулась от предков.

– У меня такая же фигня, – призналась она, – поэтому я им ничего не рассказываю.

– Как, совсем ничего?

– Ничего существенного. И тебе советую.

Я так не могу. Не получается. Слова так и лезут из меня, как ни запирай, как ни запечатывай. Такой темперамент. Тим говорит, что нужно закаливать волю. Способность к молчанию в том числе. Но он-то мужчина. Известно, что у них с разговорным жанром туговато, а у женщины два речевых центра в мозгу-поэтому извините.

3 апреля, пятница. Количество отправленных резюме-14. Количество полученных ответов-0. Я уже не задаюсь вопросом, что это может означать. Я вот думаю: а что теперь делать-то?

Спросила у Кэт. Просто потому, что она подвернулась под руку.

– О-о-о, – протянула она, – так ты и вправду… ищешь…

А они все посчитали, что я так, шутканула.

– А что твои знакомые? – спросила вдруг Кэт. – Может, у них что есть?

Черт, как я сама-то не додумалась?

Знакомых у меня много. Кто где. И везде ведь нужны бухгалтеры. Вот теперь я вспомнила, как меня занесло в эту странную профессию. Из практических соображений. Чтобы всегда можно было найти хоть какую-нибудь работу.

Я полистала записную книжку. Ага! Ник.

– Мне нужен бухгалтер, – заявил мне Ник, – но тебя я не возьму.

– Почему это? – оскорбилась я. – Не доверяешь?

– Нет, – ответил он, – просто ты-подруга моей жены.

Ну, насчет подруги он, конечно, загнул, так, изредка пьем кофе и моем всем кости.

– На тебя ни крикни, ни заругайся, – доверительно сообщил Ник.

– А ты кричишь на главного бухгалтера? – поразилась я.

– Бывает, а что? – сказал он. – Это ж работа.

Та-ак, а он ничем не лучше моего шефа. И кстати, с чего я решила, что мой следующий начальник обязательно будет лучше нынешнего?

Итак, Ник отпал. А следом за ним еще трое. У них ничего для меня не было. «Но если что, – говорил каждый из них, – то я тебе тут же позвоню». Хотелось верить, что у них действительно нет потребности в бухгалтере. Не хотелось думать, что они прикрываются этой отговоркой просто для того, чтобы вежливо мне отказать. Надо же, я уже стала видеть в людях второй план. Раньше даже бы не задумалась об этом. Спокойненько скушала бы предложенное мне объяснение и еще облизнулась бы при этом.

Пятым был Олег.

– Да, – сказал он, – могу предложить кое-что.

– Что? – воодушевилась я.

– Жене в салон нужен бухгалтер.

Жене? В салон? Маникюрный? Или шляпный? К тетке под начало? Не знаю, не знаю. Всегда работала с мужиками. Мне кажется, с ними как-то спокойнее. Хотя бы зависть отсутствует. Правда, Кэт утверждает, что зависть с лихвой компенсируется хамством и самцовостью, но, может, она просто в такое место попала?

– А там что? – поинтересовалась я.

– А там тридцать тысяч, – ответил Олег. – А ты сколько хотела?

– Семьдесят. У меня все-таки два языка и все такое.

Олег уважительно присвистнул.

– Тогда ты не там ищешь.

– Это как?

– Малый и средний бизнес тебе не подойдут. Тебе надо в какую-нибудь корпорацию или к иностранцам.

Я положила трубку и задумалась. И вправду, чего это я всех подряд обзваниваю? Мне и будут предлагать то женин салон на тридцать, то мужнин магазин на тридцать одну. Надо отобрать только тех, кто способен на большее. Я опять уткнулась в телефонную книжку.

Спустя полчаса я в расстройстве пошла варить себе кофе. У меня совсем не те знакомые. Ни холдингов тебе, ни нефтяных труб. И ни одного завалящего иностранца. В смысле ни одного человека, который бы работал у иностранцев и занимал бы там ключевую позицию. Почему так? Почему вокруг меня люди, которые никак мне сейчас помочь не могут? И главное, откуда они все взялись?

Откуда, откуда-с бору по сосенке. То на курсах кого-нибудь подцеплю, то в поездке в Финляндию. Так вот и заполнилась моя телефонная книжка. Люди, с которыми мне было интересно. Как минимум тогда, когда мы познакомились. Никогда я не помышляла о том, чтобы обзаводиться знакомыми, руководствуясь исключительно практическими соображениями. А зря! Во всех книгах, посвященных успешной карьере, так и пишут: главное-связи, связи и еще раз связи. А когда связей нет, сиди и не дергайся. Это обо мне.

Проверила почту. Тишина-а-а…

6 апреля, понедельник. Сегодня не выдержала и позвонила Тиму. Он у нас самый рассудительный. И не станет по пустякам зубы скалить, как некоторые…

– Не плачь, – сказал мне Тим, когда я пожаловалась на жизнь. – У меня есть две очень полезные вещи для тебя. Во-первых, совет. Поиск работы, – продолжал он, – это стайерская дистанция. Быстро ничего не будет. Так что набирайся терпения.

Легко сказать. Терпение-это не мой конек. Такая натура. Я вздохнула.

– Не вздыхай, – рассмеялся Тим. – Ведь есть еще вторая новость. Контакт! – торжественно возвестил он.

– Телефонный справочник, что ли? – удивилась я.

– Дура ты, Ларина, – ласково сообщил мне Тим и продолжал:-У матери есть какая-то подружка, так вот сын этой подружки работает в одном очень приличном кадровом агентстве. Я взял для тебя его телефон.

– Ты настоящий друг, Озеров! – с чувством сказала я.

– А то, – пробормотал Тим. – Записывай, – и продиктовал номер. – Зовут его Андрей Толмачев.

Скажешь: от Марины Озеровой. А потом смотри по обстоятельствам. Я к тому, что они ведь самое смачное в прессу не выбрасывают. Так что засветись, произведи впечатление, и наверняка он что-нибудь тебе подкинет.

Ладно. Пробуем. Я собралась с духом и после обеда набрала заветный номер.

– Андрей Толмачев, слушаю вас, – вежливо ответил мне приятный мужской голос.

– Здравствуйте, – торопливо проговорила я. – Меня зовут Ирина Ларина, я от Марины Озеровой.

– Здравствуйте, Ирина, – очень официально сказал г-н Толмачев. – Буду рад вам помочь. Слушаю вас.

Слушает? Это что, я должна говорить? По правде сказать, я думала, он начнет задавать мне вопросы.

– Решила обратиться к вам, вдруг у вас есть что-нибудь интересное, – промямлила я.

– В каком плане? – спросил г-н Толмачев. – Я имею в виду сферу ваших профессиональных интересов.

Ему все сорок пять, и он конкретный зануда, пронеслось у меня в голове. Но отступать было некуда.

– Бухгалтерия, – сообщила я. – Главный бухгалтер.

– Отлично! – с энтузиазмом откликнулся г-н Толмачев. – И что бы вы желали найти? Работу в какой компании?

– В смысле название? – удивилась я, чувствуя себя пятиклассницей.

И что, он подгонит мне компанию по заказу?

– Нет, – ответил он, – в смысле отрасли, размера, местоположения. Чем бы вам было интересно заниматься, что бы вы категорически не хотели делать. И еще, главный бухгалтер-это понятно, но если будет что-нибудь достойное на должности зама, вы как? Каковы ваши пожелания по зарплате и соцпакету?

О-о-о! Как, однако, стремительно сюжет закручивается. Я не готова.

– Я поняла, – поспешила вклиниться я. – А можем мы сделать так: я соберусь с мыслями и набросаю вам по электронной почте свои пожелания?

– Прекрасно! – воскликнул г-н Толмачев. – Очень удачная идея! Жду. Когда? Сегодня? Завтра?

– Лучше завтра, – сказала я.

Он продиктовал свой имейл длиной в полстроки, и мы распрощались.

Сейчас выпью кофейку и засяду за работу. Надо записать все мои пожелания к этой жизни, в смысле к работе. Делов-то!

7 апреля, вторник. Конкретно застопорилась с написанием того, что требовалось г-ну Толмачеву. Второй день на исходе, а я все никак не могу понять: ну вот что же я хочу?

Потом вдруг явилась спасительная идея. Нужно просто войти в образ. Представить себя эдакой Селезневой-до-того-как-ее-выбрали-партнером. Каковы

были бы ее пожелания? Я закрыла глаза и стала входить в образ. Не получалось. Может, это потому, что Селезнева-выдра? Может, лучше выбрать себе какой-нибудь другой пример для подражания? Как назло, никто не шел на ум.

И тут меня осенило. Надо найти факторы, которыми можно описать работу, и определить нижнюю непересекаемую планку. Первое-ЗП. С этим все понятно-минимум 70 net, то есть чистыми. Второе-местоположение. Я вызвала в памяти карту Питера и решила, что в промышленные зоны-на Парнас и на Кировский завод-точно ездить не буду, ни за какие деньги. Ага! Дело пошло. Метод «от противного» сработал.

Правда, в итоге у меня осталось такое странное ощущение… Я о том, что мы часто строим свою жизнь не по принципу «что я действительно хочу», а по принципу «чего я действительно хочу избежать». И в итоге что получается?.. Ладно, проехали.

8 апреля, среда. «Я все понял, – написал мне г-н Толмачев в ответ на мои фантазии какая-должна-быть-моя-новая-работа. – Думаю, найдется что-нибудь для вас. Дайте мне пару дней». Да хоть неделю. Хотя нет, пару так пару.

Залезла опять на job.ru и иже с ним. Обнаружила уйму свежих вакансий, на четыре отправила резюме. Неясно, зачем я это делаю-ведь никто мне не отвечает.

И вот продолжаю рефлексировать на мысль о том, что неправильной дорогой идем, товарищи. Я имею в виду, что почему-то совсем редко задумываюсь о своей жизни. Не знаю, что хочу от работы, хотя провожу на ней черт знает сколько времени (даже при моем весьма скользящем графике) и трачу на нее черт знает сколько своих драгоценных сил и нервов. И точно так же, если меня припереть к стенке и спросить, чего я хочу от жизни вообще, я не издам ни звука. Потому что не знаю. А не знаю, потому что никогда не даю себе труда подумать об этом. Поэтому в моей жизни такой бардак.

Научиться ставить цели-вот что мне нужно. Это как машину водить: если держишь глазами точку на капоте, толку не будет, если на горизонте-тогда поедешь ровно. По правде сказать, в теории я все это очень хорошо и очень давно знаю. У меня не получается соединить теорию с практикой.

Вот и живу я, просто просыпаясь утром и начиная каждый новый день, не понимая, а, собственно, зачем он мне нужен. Так он и проходит, так и заканчивается, уступая место дню следующему, который отличается от предыдущего… Да ничем не отличается. А меня это никак не заботит, потому что у меня же еще уйма времени! А потом, рано или поздно наступит момент, когда времени останется совсем чуток и будет мне мучительно больно за бесцельно прожитые годы… Н-да.

Позвонила Тиму. Рассчитывала на поддержку. Получила щелчок по носу.

– А-а, понятно, – сказал Тим скучным голосом, – экзистенциальный кризис. Может, ты чего тухлого съела?

Умеет он приземлить меня. Они с Кэт в этом большие мастера. Не-ет, когда хочется пофилософствовать, надо звонить Юльке, а не этим прожженным циникам. Но Юлька сегодня была на какой-то учебе. Потреплюсь с ней завтра. Может, что посоветует. Книжку какую или методику поимки целей…

9 апреля, четверг. Сегодня с утра мне было не до Юльки. Потому что позвонили из кадрового агентства.

– Здравствуйте, я Анна Тра-та-та из Тра-та-та, – скороговоркой сообщила мне девица. Вместо Тра-та-та были названы ее фамилия и название агентства, но я ничего не разобрала, а переспрашивать было неловко.

– Вы посылали нам свое резюме на вакансию главного бухгалтера, – продолжала она.

Посылала, спорить не буду. Я их послала в общей сложности четырнадцать штук.

– Мы хотели бы пригласить вас к себе в агентство на собеседование. Но перед этим у меня к вам пара вопросов.

– Да, слушаю, – с готовностью отозвалась я.

– Английский, – начала девица. – Вы сейчас его используете?

– В работе нет, – ответила я, – но у меня очень активная переписка с моими знакомыми из Англии и Штатов и…

– А разговорный? – бесцеремонно перебила меня девица. – Еще вот аттестат главного бухгалтера-он у вас есть? Нет? А почему?

Потому что всем давно уже известно, что это фикция, о твоих профданных никак не говорит, а денег и времени на поддержание требует. Вот и возникает вопрос-на кой он нужен?

– Ну… – Я лихорадочно искала подходящую случаю реплику.

Кстати, надо записывать все эти каверзные вопросы и потом готовиться к ним, чтобы в следующие разы подобных пауз не возникало.

– Для работодателя это критично, – тем временем забормотала девица.

Ну, конечно, он же работодатель. Ему лишь бы бумажка была. Кто, кстати, у нас работодатель?

– А не уточните ли, какие там условия? – попросила я.

– Уточню, – с готовностью откликнулась девица. – Финская компания, бухгалтер в единственном лице, совмещает обязанности администратора…

Что-что-что? Не было такого. Я схватила свой «учетный листок» и пробежала глазами названия мест, куда отправляла резюме. Не помню. Надо будет все записывать: кто, что, сколько и т. д. и т. п.

А девица продолжала:

– …испытательный срок-полгода, медстраховка после испытательного срока, без стоматологии, зарплата тысяча пятьсот…

Тут я уже не выдержала:

– Тысяча пятьсот чего?

– Долларов.

Точно такого не было.

– Анна, вы меня, конечно, извините, но я не припомню, чтобы отправляла резюме на такую вакансию.

– Как это? – опешила девушка. – На имейл… – И она назвала имейл.

Я опять уткнулась в листок. Есть такой. И это была вторая вакансия. В ней ни слова о совмещении с администратором и ЗП указана 2300 баксов.

– Знаете, – осторожно начала я, – в объявлении было написано совсем другое.

– Знаю, – легко сказала девица, – но концепция работодателя поменялась.

– То есть теперь, – я почувствовала, что начинаю закипать, – они сделали зарплату на двадцать с лишним тысяч меньше, а работы добавили?

– Там будет мало работы, – сообщила девица.

Ты-то откуда знаешь, что там будет? Ты распрощаешься с этой конторой, как только закроешь вакансию.

– Спасибо, Анна, – холодно сказала я. – Я, пожалуй, откажусь от удовольствия участвовать в этом проекте.

Интересно, подумала я, положив трубку, существуют ли где-нибудь в мире щедрые работодатели? Если читать прессу, то да, существуют. Иногда даже дают интервью этой самой прессе. Но я знаю, что еще ни один из моих знакомых не встречал подобных особей в реальной жизни.

Так, что-то я накалилась.

10 апреля, пятница. Беседовала с Кэт. Успокоения это не принесло. Хотя я, чесс сказать, надеялась. А Кэт вдруг спросила:

Я не поняла, это что, гонка преследования?

– Чего? – удивилась я.

– Ну, бег за лидером. Селезень, – ответила Кэт. – С нее же все началось. Ты что, хочешь догнать и перегнать Селезня?

Я подумала.

– Не знаю, – сказала я. – Может, не перегнать Селезня, но…

– Тогда зачем вся эта муть? – перебила меня Кэт.

– Да просто поменяю работу, и все. Ты же сама всегда вопила, что мой шеф-отстой, что моя работа-мрак, что так вся жизнь пройдет и тэдэ и тэпэ. А там глядишь, что-нибудь да вылезет.

– Что там может вылезти? – продолжала плеваться ядом Кэт. – Прыщ на носу?

Но я сдаваться не собиралась, хотя окончательно поняла, что Кэт мои действия не одобряет. Не сам факт, что я ищу, а то, ради чего это делаю и как. Но это-то неудивительно-она всегда говорит, что у меня здравого смысла хватает только на то, чтобы правильно вести бухучет, и что во всем остальном я-полная шляпа. И это-моя лучшая подруга. Какой-то сюр.

В эфире тишина. Теперь кроме тринадцати кадровых агентств молчит и г-н Толмачев. Угнетает.

13 апреля, понедельник. Ура! Дело сдвинулось с мертвой точки. Сегодня иду собеседоваться в «Ровенту». Это кадровое агентство. Там обещают какой-то завод. Вчера поздно вечером оттуда позвонили. Извините, говорят, что беспокоим вас так поздно и в воскресенье, но не могли бы вы… Конечно, я могу. Тем более что сегодня мне не на работу.

13 апреля, позже. Любопытно. Странно. Обескураживающе.

Для начала-меня заставили ждать. Двадцать восемь минут. На десятой я решила, что просто девочка на ресепшн забыла про меня сказать. На двадцатой наконец-то поняла, что меня разводят на стрессовое интервью.

Честно сказать, когда я читала об этих «изысках» в Инете, то думала, что это все существует в теории, а на практике никто до такой грубой техники не опускается. Сегодня выяснилось, что я ошибалась.

К двадцать восьмой минуте я начала всерьез задумываться, а с тем ли агентством я связалась. На двадцать девятой минуте в комнату ворвалась крепкая девушка в коричневых туфлях и коричневом пиджаке, поздоровалась и представилась:

– Я-Инесса Радина.

Н-да, подумала я, принимая ее визитку, коричневый заставляет задуматься. Где-то читала, что коричневый любят те, которых тянет всем рулить.

Инесса уселась напротив меня, положив перед собой мое резюме и стопку чистых листов бумаги, и сказала:

– Приступим?

«Приступим» от слова «приступ», мелькнуло в голове.

В течение сорока пяти минут мадам (или мадемуазель?) Радина терзала меня вопросами, беспрестанно строча что-то на чистых листах бумаги. «А почему ушли…», «А почему уходите…», «А доводилось ли вам…», «А что бы вы

сделали…», «А какая у вас сейчас зарплата…», «А где вы видите себя через пять лет…».

Если по правде, то через пять лет я вижу себя в Бретани, в небольшом коттедже, с мольбертом и кистями, короче-с обсуждаемой вакансией эта идиллия никак не связана. А посему пришлось делать умное лицо и придумывать что-то более удобоваримое.

Но вот она вроде бы исчерпалась. Удовлетворенно вздохнула, отодвинула исписанные листочки и сказала:

– Ну что ж, теперь я расскажу вам немного о вакансии. Вы присылали резюме на должность специалиста по управленческому учету на завод…

Я кивнула.

– Вы знаете, – мадам Радина скроила глубокомысленное лицо, – мне кажется, что это вам совершенно не нужно. Я вот вижу вас…

И принялась со вкусом излагать свое понимание моей персоны.

По всему выходило, что крупная производственная форма-это не мое. Якобы мне нужно что-нибудь камерное, человек на двадцать-тридцать. Ну ладно, пусть камерное. Но! Ничего такого у них пока в работе нет. Но когда будет…

Эй-эй-эй, взволновалась я. Что за дела? Я хочу на завод… на должность специалиста по управленческому учету. Я уже практически свыклась с мыслью о том, как буду работать там. И тут на тебе!

Я поняла, что пора вмешаться в ее нарциссическую болтовню. Это я о том, что, похоже, ее не столько моя персона интересовала, сколько возможность покрасоваться, блеснуть тем, что у нее накопилось в голове и на языке.

– Инесса, – проникновенно начала я, – но если пока ничего подобного нет, может, мы все-таки…

– Не-ет, – отмахнулась она от меня, – да ну! Зачем? Зачем вам тратить время на заведомо невыигрышный для вас вариант?

– Но если я согласна, – продолжала настаивать я, – потратить толику своего времени, может, все-таки…

Инесса тяжело вздохнула. На лице ее явственно проступало «блин-ну-как-вы-мне-все-надоели».

– Мы уже отправили информацию работодателю.

И меня в этой информации нет, мысленно закончила я за нее. Круто!

Я вышла из агентства, вся кипя от возмущения. Да ты тут, собственно, кто? Ты-просто посредник. А туда же-рулить процессом. И ведь у нее есть все возможности для этого. Ей не понравится твоя фамилия или какая запятая в твоем резюме, и вот ты уже в корзине для мусора. Она-бог и царь. Вершитель человеческих судеб. Может, для этого они и идут в рекрутинг? Да, коричневый-это ее цвет.

А еще сапоги натерли ногу. Пришлось ведь облачиться в костюм, сапоги и колготки. Это тебе не джинсы с ботинками.

Иными словами, а что это было?

14 апреля, вторник. День начался с вопроса шефа:

– А чего это ты в костюме?

Вопрос правомерный. Чего это я в костюме? Это не мой стиль. Я в основном в джинсах. Официоз недолюбливаю. И все об этом давно знают. Да я просто утром обнаружила на джинсах пятна, ну и… взяла, что под руку попалось. А попался костюм, поскольку вчера я была в нем.

– Работу ищу, – лениво проговорила я.

– Очень смешно, – буркнул шеф и удалился.

Любопытно, почему, когда говоришь правду, тебе никто не верит?!!

Может, просто люди слышат только то, что готовы услышать? А когда ты им сообщаешь то, что им не подходит, то их мозг тихонечко отрубается и отдыхает?

Шеф наверняка считает, что для любого из нас работа на него-это манна небесная. Потому что кому мы все, собственно, нужны?

16 апреля, четверг. Сегодня мне позвонил г-н Толмачев.

– Значит, так, – солидно сказал он, – у вас следующее расписание на эти две недели: завтра в любое время в срочном порядке к нам-заполнить наши анкеты, во вторник в два-собеседование в «ДФЛ», в четверг в одиннадцать-собеседование и тестирование в «Экарте», а потом во вторник в полдень-встреча в «Керсон Групп»…

– Простите, – вклинилась я, – а кто эти «ДФЛ», «Экарта» и «Керсон»?

– Сегодня пришлю вам всю информацию, – сказал он. – А завтра у нас пообщаемся.

И распрощался со мной.

Круто!

Но как-то странно. Он уже все решил за меня. А что, если пресловутые «ДФЛ», «Экарта» и «Керсон» мне категорически не понравятся на предварительной фазе? Вроде могу отказаться. Но это только вроде. На самом деле я чувствовала, что, как барашек на заклание, отправлюсь к этим «ДФЛ», «Экарта» и «Керсон», даже если они мне ни уму ни сердцу.

Почему? Неудобно. Неудобно перед г-ном Толмачевым. И перед Тимом. И перед его маман. Короче, перед всеми теми, кто оказался в роли посредников. Кэт бы точно сказала, что неудобно в почтовый ящик писать, но это ж Кэт. Хотя в чем-то

я с ней согласна. Это вот «неудобно» вечно заводит меня туда, куда мне абсолютно не надо. Но ничего не могу с собой поделать.

Черт. Завтра, во вторник, в четверг и опять во вторник. Все время в костюме. Все время в тонусе. Атак все было спокойно… Поймала себя на мысли, что посочувствовала Селезневой.

17 апреля, пятница. Встречалась с г-ном Толмачевым.

– Вам нужно пройти наш тренинг, – заявил он.

Ему едва дашь двадцать пять, он поджар, стремителен и некрасив. Но похоже, дело свое знает. Во всяком случае, сразу берет быка за рога.

– Какой тренинг? – робко спросила я.

– У нас своя разработка, – пояснил он, явно гордясь. – Натаскиваем соискателей, как вести себя на собеседовании. Что говорить, как отвечать на вопросы, как держаться.

Естественным образом возникает вопрос…

– Сколько? – поинтересовалась я.

– Три часа, – ответил г-н Толмачев.

Вообще-то я имела в виду…

– А денег? – спросила я.

– Тоже три, – сверкнул улыбкой г-н Толмачев. – Но вам-полторы.

– А-а, – протянула я, лихорадочно соображая, что делать дальше.

Ужасно жалко было полторы тысячи, но ведь они знают, что говорят, они ж спецы…

Тем более таким колеблющимся личностям, как я, непременно нужна твердая рука. Чтоб направляла, куда идти. Или останавливала, когда забреду не туда.

– На два сегодня. Идет?

И мои губы сами собой промолвили:

– Идет.

Вот так я и попала на тренинг. Это было нечто. Спустя два часа и пятьдесят минут абсолютно отзомбированная я вышла из офиса агентства и отправилась домой. Суть всего произошедшего выражалась так: правду будете извлекать из себя на исповеди, а на собеседовании забудьте о том, что даже знаете это слово. Нет, конечно, грубо врать насчет места работы или должности или еще какого фактического материала, который легко можно проверить, нет никакого смысла. А вот ваши мотивы, настроения, соображения-это следует подавать фантазийно, в соответствии с мотивами, настроениями и соображениями работодателя. Как это узнать, если ты того самого работодателя видишь впервые? На этот счет тоже зомбировали. Короче, ребята не зря свой хлеб едят.

Не растерять бы все, чем меня напичкали, как минимум до вторника. Во вторник-ходовые испытания. «ДФЛ». Операции с коммерческой недвижимостью.

Видела вакансию: требуется косметолог-эстет. А косметолог-мизантроп? Слабо?

21 апреля, вторник. Глуповато вышло.

– Ой, извините, пожалуйста, – трещала секретарь гендиректора «ДФЛ», – менеджера по персоналу нет. У нее там дома что-то… А мы не успели позвонить в агентство, а тут вы… И еще один человек. Попозже. И начальство наше распорядилось пока провести с вами тестирование… Ну, знаете, всякие там вопросы…

– А кто тестировать будет? – осторожно спросила я.

Неужели это субтильное создание с алыми губами сердечком, на пятнадцатисантиметровой платформе?

– Мне тут все дали. – Она рванула к своему столу. Схватила пачку бумаг толщиной в палец и кивнула на дверь. – Пойдемте, я вас посажу.

Посадила она меня в маленькой комнатке с видом во внутренний дворик.

– Значит, так. – Она наморщила лоб, разбирая принесенные бумаги. – Сначала-это. Времени на него-полчаса. Потом-вот это. Тут как бы нет ограничений, но вы, наверное, минут за сорок справитесь. Ага, вот, это третий. Там тоже сколько надо, столько и отвечайте. И в конце-бухгалтерский. Ну, там проводки, ваш кодекс и все такое.

– Короче, до ночи, – пробормотала я.

– Ну, – хихикнуло создание, – не до ночи, но… Вам кофе принести? Чтоб как бы повеселее было?

Кофеин был нелишним. Да тут… Тест на конфликтность. Тест на психологическую совместимость. Тест на все подряд, начиная от степени искренности и заканчивая уровнем самооценки. Тест…

– Ой! – спустя примерно полтора часа в комнату ворвалась секретарша. – Забыла! Еще.

«Еще» было цветовым тестом Люшера. «Придурки», – устало подумала я, подписывая цифры под цветами. Еще сам Люшер плевался по поводу того, что тест в процессе безудержной популяризации исказили до неузнаваемости. По-моему, так. Да ладно, пусть кушают.

Бухгалтерский. Не-ет, ну это что-то!.. Сорок вопросов, ответов на две трети из которых я не знала. И не потому, что я плохой бухгалтер, а потому, что бухгалтеров-которые-знают-все-на-свете нет в природе. Это-закон жизни. И что тогда тестируем?

22 апреля, среда. А сегодня неожиданно позвонили по вакансии, на которую я отправила резюме сама.

– Хотели бы записать вас на собеседование, – сообщила мне невидимая взору девица голосом Кристины Орбакайте.

– Да, прекрасно! – с воодушевлением ответила я, просматривая свой список.

72, опт, недалеко от дома.

– У нас такая процедура, – продолжала девица, – сначала вы беседуете с эйчаром, потом вас тестируют, потом вы беседуете с финдиректором… Все в разные дни. Потом, – продолжала она, – тест на полиграфе…

– Простите? – озадаченно вопросила я.

– На детекторе лжи, – пояснила девица и через паузу уточнила:-Такова политика руководства. Всех начальников отделов проверяют на детекторе лжи.

– Но я ведь еще не начальник отдела, – возразила я, – только претендую.

– Не важно, – отрезала девица. – А в завершение-встреча с гендиректором. Вы согласны?

– А если не согласна, вы процедуру подправите?

– Нет, – ответила девица, – мы просто вычеркнем вас из списка соискателей. Но что вас, собственно, смущает?

– Вообще-то детектор лжи, – сказала я.

– С чего бы это? – удивилась девица. – Вам есть что скрывать?

Я вздрогнула и часто задышала. Любому человеку на этой планете есть что скрывать, в том числе и мне. Начиная от периодически посещающих меня

странных мыслей ниоткуда и заканчивая мелкими бухгалтерскими провинностями. Но дело-то не в этом!

– Просто я вот что думаю, – сказала я, – сначала детектор, потом телефонная прослушка, затем видеокамера в туалете-так можно далеко зайти.

– И что? – Голос девицы окрасился в неприятные оттенки.

Значит, у них и прослушка и видео. Не слабо.

– Пожалуй, я повременю.

– То есть, – уточнила девица, – вы отказываетесь участвовать… Как хотите. Всего доброго, – и, не дожидаясь моего ответа, повесила трубку.

Всего, всего… И вам того же, по тому же месту. Одна только польза была от этого звонка-я полезла в Интернет и ликвидировала пробел в своих знаниях на тему детектора лжи. Теперь я знаю, что это за зверь. И знаю, что бояться надо не сам агрегат, а ту особь, что интерпретирует его показания. Короче, все делают люди…

22 апреля, вечер. Наткнулась в Сети на какую-то старую вакансию: требуется модель-сценарист в эротический кинопроект. Присылайте резюме туда-то и в резюме укажите, кем вы хотите быть: моделью, сценаристом или и тем и другим.

Мир вокруг живет полной жизнью. Я вдруг осознала, что поблизости есть люди, для которых слова «налоговая инспекция» и «Налоговый кодекс», «счета-фактуры» и «акты сверок», «кассовая дисциплина» и «книга покупок»-пустой звук. Уверена, они чувствуют себя счастливыми. Просто обязаны чувствовать. Хотя любому из нас кажется, что травка зеленее на чужом газоне. И модель-сценарист вполне может стенать по поводу своей незадавшейся жизни. То есть в действительности быть абсолютно счастливым человеком, но не знать об этом. Надо бы, что ли, провести какую-нибудь широкомасштабную акцию с целью донести до человечества всю прелесть того, в каком положении они находятся. Типа: народ, не майтесь дурью, наслаждайтесь тем, что у вас есть, поскольку у вас нет всего этого ужаса-см. выше.

А у меня это есть. И знание того, что такое «налоговая инспекция» и «Налоговый кодекс», и стойкое неприятие этих объектов бытия. Может, мне сменить не просто работу, а целиком профессию?

Зеркало подсказало, что в модели мне не стоит. Тогда в сценаристы? Хотя что я могу написать об эротике? Интересно, а что там пишут, в этих сценариях? Просто-«занимаются сексом»? Наверное, нет. Наверное, там должны быть детали, иначе актеров может занести куда-нибудь не туда. Или, наоборот, никуда не занесет, и перед экраном все заснут от скуки.

В такие моменты я всегда думаю о том, что вокруг столько всего происходит. И в этом происходящем ты занимаешь лишь крохотную долю пространства. Ни на что не влияешь… А я хочу влиять? Интересный, кстати, вопрос.

23 апреля, четверг. Насчет влиять я так ни до чего не додумалась. Вроде хочу. Любой нормальный человек желает постоянно ощущать свою собственную значимость. Это вроде как свидетельство того, что ты существуешь. Но я уже доросла до такого возраста, когда начинаешь понимать, что влиятельность идет только в комплекте. С ответственностью. И ломовой работой. И вот тут у меня включаются тормоза. И я готова отказаться даже от того, чтобы быть значительной персоной. Лень? Не знаю. Может, я просто недостаточно тщеславна?

Эй, тогда зачем я ищу эту новую, шикарную, денежную работу? Где логика? Значит, так, мысли эти-ненужные. По крайней мере, сейчас. Выбросить их вон. И-вперед, на абордаж!

Вот сегодня я как раз на этом абордаже и была. «Экарта». Автотранспортные перевозки, кое-какой опт. Закидали вопросами. И ни одного-про мой профопыт. Вернее, один. «А вы имели дело с договорами комиссии?» Нет, ну, конечно, собеседование проводил не финансист, но все равно.

Глядя на мое поскучневшее лицо, замдиректора по персоналу сочла нужным пояснить: нам, дескать, главное, какой человек, а обучить его профессионально мы сами в состоянии.

– Мы нанимаем жизненные позиции, – с пафосом произнесла она. – Если вы-«наш» человек, то все остальное-вторично.

Ага, знакомая цитата. «Бизнес в стиле фанк». Небось вчера закончила читать и теперь горда собой неимоверно. По-моему, тетка просто не рубит в том деле, которым занимается.

Но отвечала я старательно. Мне вдруг захотелось, чтобы они сделали мне предложение, а я демонстративно отказалась бы. Так, демонстративно-это что я собираюсь сделать? Сообщить ей, какая она дура? Потому что если я просто скажу: «Спасибо, нет», то это совсем не демонстративно. А насчет дуры я вряд ли решусь. Даже если трансформировать «дуру» во что-нибудь обтекаемое. Обтекай не обтекай-когда тебя называют дурой, это сразу понятно.

Похоже, «Экарта»-не мой полигон.

24 апреля, пятница. Позвонил мне сегодня сразу после полудня г-н Толмачев. Беспокоится. В силу своей натуры или профессиональных обязанностей? Чем подогревается его энтузиазм: внутренними резервами или мыслью о том, что, продав меня, он получит бонус? Наверняка ведь им положены бонусы за успешно реализованные проекты.

Ясно. Становлюсь циничной, как Кэт. Наверное, это все из-за количества людей на квадрат-метр городского пространства. Наверняка в деревне все не так. Там вышел-и природа. Взор отдыхает, легкие дышат. А у нас взор постоянно натыкается на что-нибудь малоэстетичное, а легкие лучше закупоривать, покидая квартиру. Уши и нос тоже. Может, у жителя мегаполиса и нет другого выхода, кроме как становиться год от года все циничнее, скептичнее и агрессивнее?

– Да вроде нормально, – ответила я.

– А расскажите, – предложил мне г-н Толмачев.

Я рассказала. Убрав комментарии про Люшера и сомнения в профпригодности экартовской тетки.

– Хорошо, – сказал г-н Толмачев. – Значит, в понедельник у вас «Керсон». Удачи!

– Как в понедельник? – удивилась я. – Мне лично помнится вторник.

– Просили перенести, – сказал г-н Толмачев. – Сможете?

Смочь-то смогу, но я ж настроилась на вторник… Да ладно. Раньше встретимся, раньше расстанемся.

– Прекрасно! – обрадовался г-н Толмачев.

Вот чем он мне нравится, так это своим оптимизмом и бодростью. Если бы он был квелым, я бы не стала с ним… Что? Дружить? Так мы не дружим. Ну хорошо, сотрудничать. Хотя, когда речь идет о сотрудничестве, не всегда удается это проделывать с теми, кто тебя полностью устраивает. Часто приходится сотрудничать со всякими… с кем мысли о дружбе даже бы и в голову не пришли. Так что мне повезло.

Итак, в понедельник у меня «Керсон Групп». Медицинское оборудование и услуги.

27 апреля, понедельник. Ура! Я нашла работу. «Керсон».

Все, все у них отлично. Место-центр. Офис-чудесный. Народу-немного. Директор-классный парень.

Вообще, я боялась, что будет какой-нибудь дедушка. Почему так решила, не знаю. Может, потому, что медицина? Хотя у них скорее производство, чем медицина в традиционном понимании этого слова. Опять же-французы. То есть директор-русский, но головная компания-во Франции. Ну, наконец-то я туда доеду. А то все повода не было.

Так вот, директор-русский не-дедушка. Ему лет тридцать пять. За метр восемьдесят, косая сажень в плечах, пронзительные голубые глаза. И-брюнет. Не знаю, что он делает в производстве медицинского оборудования-ему бы на экран.

Ну, конечно, конечно, я понимаю, что в моей ситуации его внешность не должна иметь никакого значения. Но, войдя в кабинет, не смогла удержаться от мысли: «Бли-ин, здесь можно и поработать».

Мало того что он импозантен, так он еще и не дурак. Ловит все с полуслова. Шутит. И не плоско. И главное, ничего из себя не строит. Все по-человечески рассказал: что они хотят, что у них за ситуация, как это все видят и т. д. и т. п. Словом, идеальный начальник. Обещал помогать. Уверена, так и будет. Не знаю точно, что такое харизма, но, по-моему, она у него есть.

И потом-у них все остальное совершенно замечательно. Страховка, бонусы, обеды, обучение, путевки. Райское место. Явно вакансия не для всех. Явно в открытом доступе на job.ru ее не будет. Спасибо г-ну Толмачеву. Надо будет ему что-нибудь подарить.

Но конечно, самое главное-мы друг другу понравились. В смысле-я и директор. Это стало очевидно, как только я вошла в кабинет. Понятное дело, он задавал стандартные вопросы.

Между прочим, немало. Но ведь он должен соблюсти процедуру.

Договорились, что я выйду через две недели после того, как мне официально сделают предложение. Это, скорее всего, потому, что там же есть еще и другие кандидаты, им же уже назначено, не отменять же. Думаю, через неделю все и свершится. И тогда я швырну своему шефу заявление в лицо, и тогда он попляшет. А уже будет поздно.

Нет, я просто не могу поверить, что-ура! Но сказала пока только Кэт. Чтоб не сглазить.

28 апреля, вторник. С утра звонок.

– Ну, как прошло? – спросил г-н Толмачев.

Мне показалось или он взволнован? Неужели так переживает за меня? Неужели так переживает за каждого своего подопечного?

– Отлично! – ответила я.

– Правда? – обрадовался г-н Толмачев. – То есть никаких эксцессов? А то я уж боялся… Очень трудный директор.

– Что? – изумилась я. – Директор? Который?

Наверняка какой-нибудь другой директор. Наверняка у них несколько директоров. Они же-«Групп».

– Который? – в свою очередь удивился г-н Толмачев. – У них один-единственный директор. Тот, с которым вы вчера встречались.

Тогда я ничего не понимаю. Трудный? Этот супер-пупер мэн?

– Но мне он показался… – начала я.

– Что, – перебил меня г-н Толмачев, – вел себя нормально?

– Не просто нормально, – ответила я, – а сверхнормально. Прекрасно. Замечательно. – Тут я устыдилась своих восклицаний, еще подумает, что я-экзальтированная особа. – В общем, все было хорошо.

– Значит, встал с той ноги, – задумчиво проговорил г-н Толмачев. – Хорошо, что я не стал ничего вам говорить до собеседования, иначе бы запрограммировал вас не на то…

– Так, подождите, – сказала я, – так что с ним? Трудный-это как? В чем трудность-то?

– Деспот, – лаконично ответил г-н Толмачев. – Сам все знает, сам все решает, все у него ходят строем.

Строем? Что за ерунда? Этот душка с синими глазами? Да нет, не может быть! Хотя…

И тут я вспомнила.

Он сказал: «Я страшный тиран». Я внутренне вздрогнула. Но он хитро улыбнулся и подмигнул мне. И я решила, что это шутка. А если нет? Если это правда? Подождите, но тогда какого черта…

– А скажите, – противным голосом начала я, – зачем вы тогда меня туда отправили? Если знали, что там все так сложно?

– Да случайно, – вздохнул г-н Толмачев. – Просто моя ассистентка…

У него есть ассистентка? Он сам вчера только на свет родился.

– …отправила им ваше резюме, не посоветовавшись со мной. А те уже назначили время, когда я узнал об этом. Назад отыграть… можно было, конечно, но…

Но никто не захотел. Ясное дело. Кому хочется лишний раз травмировать заказчика и заявлять о своей некомпетентности.

– Но хорошо, что все обошлось, – бодро закончил г-н Толмачев.

– Мало того, – задумчиво проговорила я, – он меня полюбил. Мы уже договорились о времени выхода и тому подобное.

– А-а, – протянул г-н Толмачев.

Похоже, он не придал никакого значения нашим договоренностям. Почему это?

Помолчал и добавил:

– Ладно. Ждем результата по всем трем фирмам. И работаем дальше. Если у меня появятся новые предложения, то позвоню вам.

На этом мы распрощались.

А я вот сижу и думаю: что теперь-то? В понедельник мне позвонят и скажут: выходите на работу в «Керсон». И что? Я выйду? К деспоту и тирану? Черт, ну, не похож он… Может, г-н Толмачев просто ошибается? Может, просто у того директора отношения с мужчинами и женщинами сильно разнятся?

Если это так, то возникает другой вопрос: хорошо ли это?

29 апреля, среда. Они все с ума сошли!

Полчаса назад позвонила Подольская с новым предложением.

Неохота. Опять гладить костюм, опять натягивать на лицо нужное выражение, опять унимать дрожь в коленках. А зачем, если меня берет «Керсон»? Но как ей об этом сказать? И вообще, говорить «нет»-это не мое амплуа. Я это делаю крайне редко и при этом чувствую себя так, как будто из меня по капле выдавили все соки и бросили умирать.

– Ну, пожалуйста-а-а, – вдруг взмолилась девица.

Что такое?

– У нас внезапно образовалась «дырка», – плачущим голосом начала объяснять Инга. – На завтра. На одиннадцать. То есть работодатель думает, что придет кандидат, а он не придет, потому что я все… все перепутала. А там специально приехал финансовый директор из головного офиса и будет сидеть целый день, беседовать с кандидатами. И тут у него «дырка». Вот. А я совсем недавно работаю. И это уже второй раз, когда какая-то ерунда из-за меня. И меня точно уволят. Выручите меня, пожалуйста-а-а.

Вот это номер. Я еле удержалась от смеха. Бедняга. Надо ж, как ее колбасит.

– А что там? – спросила я.

– Там производство. Иностранная компания. Позиция главного бухгалтера. Зарплата net от семидесяти тысяч по результатам собеседования, – все еще вздрагивающим голосом сообщила мне Инга.

– Тогда мне непонятно, – немного подумав, сказала я, – почему вы предлагаете эту вакансию только тогда, когда у вас образовался форс-мажор?

– А там у них требования… Аттестат главбуха. А у вас его нет. Опыт руководства коллективом от семи человек. Вы как бы… не руководили. И еще SAP.

Я вообще перестала что-то понимать.

– Но когда я приду к ним, они увидят, что у меня ничего этого нет. Что тогда? Они скажут мне: идите-ка отсюда.

– Не скажут, не скажут, – горячо возразила мне девица.

Черт, почуяла во мне слабину. Вот так всегда.

– Я просто сообщу им, – продолжала девица, – что мы все запасы кандидатов, соответствующих их требованиям, исчерпали, но вот у нас есть еще один прекрасный специалист, и мы готовы…

– Понятно, – перебила ее я. – Выручу вас.

И тем самым зафиксируюсь в ее памяти. Неплохо иметь еще одного знакомого рекрутера. Мало того, благодарного.

Так что завтра иду на очередную экзекуцию.

1 мая, пятница. Праздник!!! Вчера собеседование вели двое. Кряжистый мужичонка латиноамериканской внешности и костисто-когтистая дамочка с белесыми волосами и острым взглядом. Оба в возрасте «от сорока». Технология была такая: мужичонка задавал вопрос, дамочка наблюдала за мной, потом роли менялись. Напрягает здорово. Не успеваешь понять, какова реакция обоих. А хотелось бы. Даже учитывая то, что я там оказалась просто из благотворительных соображений. Ситуация усугублялась еще и тем, что сидели они оба не прямо напротив меня: дамочка-то да, напротив, а вот мужичонка-чуть слева, отчего приходилось фиксировать его боковым зрением, что создавало

дополнительный дискомфорт.

Они вытряхнули из меня все. Вплоть до того, кто мои родители и где они, каково мое хобби и что я думаю о текущей экономической ситуации в стране. Последнее меня доконало. Я совершенно не интересуюсь глобальными проблемами. Наверное, зря, но, честно сказать, не испытываю никакого интереса. Поэтому обычно узнаю обо всем последней и то, если кто-нибудь позвонит и расскажет. Но что-то там промычала. Хотелось, правда, спросить: «А это-то тут при чем?», но удержалась. К чему вступать в никчемную дискуссию? Нет уж, лучше поскорее отделаться от них и пойти домой.

Хотя… позиция весьма и весьма. Но вот дамочка… Она оказалась финансовым директором. То есть непосредственным шефом главбуха. Не хотела бы я иметь такую шефиню. Металл. Нержавеющий, негнущийся и остро заточенный.

А, забыла сказать: они оба были американцами.

Вся процедура заняла больше часа и уже подходила к своему завершению, когда мужичонка вдруг спросил:

– А почему вы хотите работать именно у нас?

Я уж было открыла рот, чтобы сказать: «А с чего вы решили, что я хочу работать именно у вас», как тут же спохватилась. Ну да, хочу. Якобы. Поэтому я сюда и притопала.

Ответа у меня, понятное дело, не было. Надо было срочно что-то измыслить. Чтобы заткнуть эту дырку. Или чтобы понравиться?

Вот что смешно-я действительно старалась понравиться им. Хотя шла туда совсем с другими намерениями. Я всегда стараюсь всем понравиться. Мне ненавистна сама мысль о том, что кто-то может меня недолюбливать. Вот Кэт на это плюет. «Всем мил не будешь», – говорит она. Я как бы тоже так думаю. Но она-то и живет по этому принципу. А я… я норовлю всем угодить и произвести на всех хорошее впечатление. Но так как это невозможно, то получается, что я бьюсь за иллюзию. Что, ясное дело, ужасно отражается на состоянии моих нервов, волос, ногтей и прочих частей тела.

А мужичонка ждал ответа. И дамочка тоже.

– Если говорить откровенно, – сказала я, – то я просто хотела поработать в крупной американской компании.

– А тут подвернулись мы? – вклинился мужичонка.

– Ну, что-то в этом роде.

Они переглянулись. По дамочкиным губам зазмеилась ехидная улыбочка. Мужичонка, наоборот, излучал удовольствие.

– Искренне, – заметил он. – Неожиданно, но приятно.

Вот и пойми их.

На том мы и закруглились. Я выпала из кабинета вся мокрая. А всего-навсего хотела помочь несчастной девушке Инге Подольской. А в результате перенервничала, как будто эта вакансия была моей последней надеждой. Получается, что мозги совершенно не контролируют ситуацию. Весь остальной организм живет своей жизнью: психует, напрягается, расстраивается. Как будто я-еще додарвиновская обезьяна. Впрочем, кто его знает, может, так оно и есть? Может, так оно всегда и было, и человек все эти годы, столетия и тысячелетия пребывал в заблуждении относительно того, какую роль в его жизни играет сознание?

«Ой, спасибо, спасибо!»-верещала от макушки до пяток признательная мне Инга Подольская. «Да пожалуйста», – великодушно отвечала я. «Позвоню вам, как будет результат», – пообещала она. Без разницы. Я туда не собираюсь. У меня есть «Керсон».

Есть и в то же время нет. Вот где он? Ужасно хотелось сказать шефу о своем увольнении до праздников. Чтоб отравить ему пребывание в Египте. Но видно, не получится. Хотя… ведь могу и написать ему туда: —) Добрая такая девочка…

5 мая, вторник. Все. То есть все кончилось. Вся эта суета. И кончилась она плохо. Только что позвонил г-н Толмачев.

– Отбой, – сказал он.

– Простите? – растерялась я.

Он вздохнул:

– По всем трем компаниям отказ по вашей кандидатуре.

Перехватило горло. Я выпрямилась, два раза сделала вдох-выдох и спросила:

– А объяснили почему? Или вы не спрашиваете?

– Спрашиваем, – ответил он. – «ДФЛ» не понравился ваш тест на Люшера… – начал он.

Кто б сомневался.

– «Экарта» сказала, что вы тяготеете к свободному графику, а их это не устраивает…

Возразить нечего. Тяготею. Но по-моему, все тяготеют, или я что-то не понимаю в этой жизни. Ладно. Может, просто остальные тяготеющие в отличие от меня умеют лучше скрывать свое крамольное тяготение?

– А «Керсон» утверждает, что вы с ним заигрывали…

– Что?! – ошалела я. – Да он сам!..

Я ж вам говорил, – сказал г-н Толмачев. – Он странный тип.

– Более чем, – согласилась я. – Я лишь реагировала на то, как он сам себя ведет. Неформально-значит, неформально. Может, у них такая корпоративная культура. А он, оказывается…

– А он вас, видимо, просто провоцировал, – хмыкнул г-н Толмачев. – Проверял.

– Вот зараза! – процедила я. – Извините. И что теперь?

– Пока ничего, – ответил он. – Как только у нас появится что-нибудь интересное, я вам позвоню. Договорились?

Разговаривал со мной осторожно и ласково, как с тяжелобольной. Поздравил с очередными наступающими праздниками. Видно, еще не оброс профессиональным цинизмом. Сочувствует. И на том спасибо.

Навалилась тоска. Я никому не нужна. Все от меня отказались. Не стоило вообще все затевать. Может, бросить эту затею, пока не поздно?

7 мая, четверг. Вчера провалялась дома весь день. Аж тошнило от отвращения к себе. А вечером ко мне явилась Кэт, вытрясла меня из квартиры и потащила на Невский. А там принялась воспитывать.

– Ага, – саркастически начала Кэт, – первый кураж улегся, и теперь все, жизнь закончилась, и на фиг нам все это надо, да?

При этом она одарила меня презрительным взглядом. И тут я не выдержала.

Я взвилась:

– Знаешь, Кэт, почему народ с такой охотой лезет в оппозицию? Потому что критиковать-не строить. Можно всю жизнь отсиживаться на задворках и гавкать на других. Ты, между прочим, тоже не на первых позициях и тоже вечно сдаешь задним ходом, когда что-то не так, но когда это делаешь ты сама-то это «тактический прием», а когда я-то это слабость и трусость. А в чем, скажи на милость, разница? Да всего лишь в том, что критик всегда у нас ты, и только ты.

У Кэт был вид полного остолбенения. Мелькнула мысль, что сейчас она уйдет и я не увижу ее больше никогда.

Но нет. Кэт переварила сказанное мной и вдруг заявила:

– Тебе ж самой это нравится.

– Что? – удивилась я.

– То, что я периодически рычу на тебя. Ты ж сама не способна честно признаться себе в том, что не права то тут, то там, вот я этим и занимаюсь. Чем ты сейчас-то недовольна?

Блин, она права. Она как бы мое зеркало. С динамиками.

А Кэт тем временем продолжала:

– Чего ты вообще заводишься? Тим же сказал тебе: это стайерская дистанция. Может продлиться бог знает сколько времени, пока найдешь что-нибудь подходящее. Понятно, что если тебе надо кровь из носа перейти на новое место, то можешь схватить первое попавшееся. А потом опять лезть на стенку и вопить, что тебя это все достало и какого черта ты вступила в это дерьмо. Тебе просто надо выработать какую-нибудь систему поиска и решить, сколько времени ты готова от своей жизни отстегнуть на это. Или ты с чем-то не согласна?

– Согласна, – кивнула я.

– Тогда чего лезешь в бутылку?

Я молча пожала плечами. Откуда ж мне знать? Так, эмоциональный сброс.

– Вот, – продолжала Кэт, – потому что если ты сейчас все бросишь, потом будешь жалеть. Как это обычно с тобой случается, – помолчала и добавила:-Как это обычно с нами всеми случается. И вообще, ты же еще толком ничего не попробовала. Сколько ты суетишься? Три недели?

– Полтора месяца.

– Полтора месяца-не срок. Даже не о чем беседовать. Все, закрыли тему. Иди составляй план. А из конторы твоей тебе давно пора валить. Тебе это давно говорили.

Говорили. Пошла составлять план.

12 мая, вторник. Четыре дня промучилась над планом своих действий. Теперь он висит на стене, прямо напротив кухонного стола, чтобы каждый прием пищи он был у меня перед глазами. Рано или поздно войдет в мою плоть и кровь, и, глядишь, дело сдвинется с мертвой точки. Было бы неплохо, если бы оно сдвинулось до того, как я окончательно свихнусь на этой теме.

Кстати, по плану предстоящее выглядит довольно бодро. Но не факт, что все пройдет именно так на самом деле. А что, если все мои потуги будут впустую? Нагрянет депрессняк и прочая ерунда. Нужно будет как-то поддерживать в себе неугасимый энтузиазм. Ведь наверняка есть какие-то способы, как это можно устроить. Может, пойти куда-нибудь на тренинг? Помнится, однажды я…

О-о-о, нет. Я вспомнила про это «однажды».

Тренинг из серии «познай себя лучше».

Там, может, идея и ничего была, но я не поняла, как можно заглянуть внутрь себя в толпе из пятнадцати человек? По-моему, такие вещи надо делать тет-а-тет. То есть ты, инструктор, и все. Типа коучинг. Но на коучинг у меня денег нет. У меня денег-только на групповые занятия. Которые я активно недолюбливаю.

Потому что я еще и в детстве терпеть не могла, что называется, петь хором. А еще я ужасно не люблю зависеть от кого-нибудь. Ну, к примеру, когда кто-то медленнее меня думает, соображает, делает и т. д. и т. п. Да, я не командный игрок. Я уж лучше сама по себе.

И это часто приходится скрывать. Потому что у нас надо, чтобы обязательно была команда-коллектив. Я имею в виду не только работу. Если очередь, то чтоб прям локтем касаться соседа. Если узкое место где-нибудь на дороге-значит, все там, вместо того чтобы спокойно рассредоточиться по всей поверхности. И когда

ты ведешь себя иначе, это внушает подозрение. Если не ходишь пить вместе со всеми чай-странно. Если не рассказываешь о себе-еще страннее. Если… Короче, понятно, да?

Значит, тренингам наше категорическое «нет».

А тогда что взамен? Может, йога?

15 мая, пятница. Вчера была у родителей. То да се. «Как дела?»-спрашивают они. А так как все мои дела за последнее время связаны исключительно с поисками работы, я и давай живописать им всю эту кутерьму. Не сразу поняла, что рассказ мой их совсем не забавляет.

У мамы, хотя она и подала пару-тройку реплик, лицо моментально приобрело выражение ой-мо-жет-не-надо, а папа впал в долгое неодобрительное молчание. Конечно, они-продукт своей эпохи. Для них скакание с одного места на другое сродни греху. Поэтому моя беготня по рынку труда их никак не может радовать. Это понятно.

Непонятно другое: как в такой традиционной семье могла появиться такая нетрадиционная я?

Я, честно сказать, не считаю, что каждое следующее поколение кардинально отличается от предыдущего. С чего бы это? Ну да, мы умеем обращаться с компьютерами, мобильными телефонами и DVD, мы более уверенно суем в банкоматы пластиковые карточки и дружными рядами идем в банки, чтобы взять кредит на авто, но психологически-разве мы такие уж другие?

И среди них были непоседы и потрясатели основ. И среди нас есть зануды и трясущиеся от всего на свете невротики. Ведь мы процентов на девяносто состоим из того материала, который нам достался вместе с генами или проник в нас в то время, когда под боком были родители, и только на десять-из того, что нам самим удается накопить за свою жизнь. Да, я так думаю. Кто-то может не соглашаться, это его право, но я стою на своем.

18 мая, понедельник. Эта жучка Подольская нашла мне очередную работу.

– Я буду вас лоббировать, – горячо пообещала она мне.

Интересно, как она собирается это проделывать?

Наконец-то я увидела ее. Она позвонила мне сегодня утром и попросила прийти к ним. Сказала, что надо заполнить какие-то бумажки. Да ладно, мне не трудно. Благо сегодня у меня выходной. Подольская-это что-то! Невысокое, невзрачное, нелепое существо. Никак не соответствует своему голосу. Он у нее звучный и уверенный. Производит впечатление. Которое смазывается при личной встрече. Лет двадцать семь-двадцать восемь. Суетится больше чем надо, делает массу лишних движений, говорит уйму лишних слов. Нервничает. Но в глазах светится упрямство и решимость. Хочет выбиться в люди. Взметнуться на верхние ступеньки карьерной лестницы.

Она посадила меня заполнять разные анкеты, а сама продолжала носиться туда-сюда мимо меня. И вот в очередной ее проход по комнате я внезапно сообразила, кого она мне напоминала. Селезня!

Селезень тоже всегда ходила с таким видом, будто готова вступить в драку с любым, кто нарвется. Постоянно была настороже, постоянно говорила на тон выше, чем следовало. Меня это смешило. Тогда. А вот сейчас я вдруг подумала: может, все это оттого, что Селезень чувствовала себя неуверенно среди нас?

Она была откуда-то из провинции. Причем не из большого города типа Самары или Ростова-на-Дону, а из какого-то маленького населенного пункта. Как ее занесло в Питер, я никогда не спрашивала. Мы вообще с ней мало разговаривали. Мы все, которые питерские. Она жила в общаге, имела компанию там. И как я сейчас начинала понимать, страстно хотела стать такой, как мы. Но у нее так ничего и не вышло. Ей нужно было просто расслабиться, и она влилась бы в наши ряды естественным образом. Но видно, она до этого не додумалась и поэтому продолжала безуспешно биться о нас.

Интересно, Подольская тоже откуда-нибудь из глубинки?

19 мая, вторник. Дело пошло! Сегодня позвали на собеседование. Вернее, оно завтра, а позвонили сегодня. Это из тех вакансий, которые я отрыла на job.ru. Правда, не иностранцы, наши, но вдруг?

А еще прорезался г-н Толмачев. И у него оказалась парочка вакансий в рукаве.

Когда ты видишь, что востребован, это чрезвычайно бодрит. Настолько, что я вошла в кураж. И решила поприкалываться над шефом. А именно-заявить ему о своем желании получать прибавку к ЗП. Нет, это ровным счетом ничего не меняет-я буду уходить от него. Теперь, побывав то тут, то там, я понимаю, что назад дороги нет, потому что позади-болото. Может, именно мысль о том, что я здесь не останусь, придала мне дополнительную храбрость.

– Что? Зарплата? Повышение? В связи с чем? – скривив губы, поинтересовался он. – У тебя что, объем увеличился?

– Нет, – сказала я. – Мир вокруг изменился.

А что? Он вполне мог это не заметить.

– Это как? – нахмурился шеф.

– Элементарно, – ответила я. – Зарплата, которую я сейчас получаю, была установлена три года назад. Сейчас та же работа стоит дороже. Инфляция и все такое. Ты не думал об этом?

– В мире кризис, – буркнул он.

– Болтовня, – ответила я. – И ты это знаешь.

Он молчал, набычившись.

– Тем более что другим ты зарплату повышал, – сказала я. – И не единожды.

– Но они-то доход приносят, – буркнул он.

Ага, старая песня. Слышали-знаем.

– А я его собираю в кучу, считаю и слежу за тем, чтобы с этого заработанного дохода ты не очень много денег заплатил в бюджет. Или нет?

Он скривился:

– Ой, оставь. Можно подумать, это так трудно. Возьму любую девочку, и через пару месяцев она будет делать то же самое.

Ну, круто. Вот я и получила ответ на вопрос: а что я для него? Ничего. И никто.

Нет, я вообще-то не считаю себя незаменимой личностью. Я, конечно, беспредельно умна, изрядно сообразительна и неплохо образована, но мне вполне можно найти замену. Как любому из нас.

Дело-то не в этом. Просто я здесь с первого дня существования компании. И это для него-пустой звук. Неужели, чтобы удержать бизнес на плаву, надо так опошлиться? Неужели все, кто заводит свое дело, рано или поздно превращаются в…?

А может, это просто у меня наивный взгляд на окружающих? Вижу их всегда лучше, чем они есть на самом деле? Ну, вижу. Что тут спорить? Вопрос в другом: это хорошо или плохо?

20 мая, среда. Пошла на собеседование. Все вроде ничего было, пока не пришел гендир. Отчего-то мне показалось, что он смотрит на меня с отвращением.

Так и было. О чем мне сообщила эйчар, когда мы уже прощались. Сама бы она, конечно, не раскололась, но я вытащила из нее правду-матку.

– Поймите, – проникновенно сказала я, – уже набойки стесала, мотаясь по собеседованиям. Не хотелось бы лишних иллюзий. Есть у меня шансы или как?

На самом деле они мне не очень понравились. Но важно дойти до победного конца, а отказаться никогда не поздно. Так что я делала вид, что все это меня

жутко интересует. А поскольку вид мой всегда вызывает доверие (по до сих пор неизвестной мне причине), то дамочка кочевряжиться не стала и выдала мне страшную тайну.

– Он терпеть не может блондинок, – сказала она. – Считает их клиническими дурами.

Кретин. Жертва СМИ. Интересно было бы посмотреть в глаза тому, кто первый пустил эту утку по миру.

А вот я лично очень довольна, что родилась блондинкой. Другой я себя не ощущаю. Пробовала однажды краситься в рыжий. Прикольно. Но-не я. Так что извините.

Хотя-дискриминация. Может, в Страсбургский суд по правам человека подать? Почему-то мне очень хочется в Страсбургский суд хоть однажды, хоть одним глазком. Почему-то мне кажется, что там ужасно интересно.

22 мая, пятница. Сегодня прямо спозаранку позвонила Кэт и спросила:

– Была на «Одноклассниках»?

– Нет, – ответила я, – ты же знаешь, я их не люблю.

– Любовь тут ни при чем, – сказала Кэт. – Там Селезень тусится во всей своей красе. Хвастается тем, как прекрасна теперь ее жизнь. И фотки выложила-зашибись. Я и «лексус». Я и Мальдивы. Я и пентхаус…

– У Селезня пентхаус? – перебила я ее, ошеломленная.

– Ну, по-моему, это корпоративный пентхаус где-то в Лондоне, – поморщилась Кэт, – где Селезень была по каким-то своим корпоративным делам. Суть не в этом. На фоне Селезня все остальные со своими достижениями, о которых еще вчера они думали, что они о-го-го, выглядят не просто бледно, а бледнее бледного.

– Да-а, – протянула я. – Селезень берет реванш за годы унижений, ведь ей одна наша манера растягивать слова наверняка казалась унижением, потому что она так этому и не научилась.

– Сейчас, наверное, уже умеет. Может, даже брала уроки у логопеда. – Кэт подумала и добавила:-Не хочешь с ней контактнуть? Она ж тебе послужила образцом.

– Ничего не образцом, – пробормотала я. – Так…

– Не важно. Если бы не Селезень в журнале, ты бы где сейчас была? – усмехнулась Кэт. – Там же, где была все последние пять лет. А так…

Сейчас ляпнет что-нибудь про то, что я опять лоханулась, и либо мы поругаемся, либо нет, но тогда я буду потом в одиночку пыхтеть от досады на себя саму и на все вокруг.

– Глядишь, что-нибудь из этого и вырастет, – неожиданно мирно закончила Кэт.

В общем, когда она отключилась от связи, я долго прислушивалась к тому, что творится у меня внутри. Написать Селезню или нет? Получалось, что написать-потому что зачем я тогда вообще задаюсь этим вопросом? Но о чем? Скажи, Люся, как тебе удалось прорваться в небожители? И говори, пожалуйста, медленнее-я записываю, чтобы потом воспользоваться твоим опытом и тоже куда-нибудь да прорваться. Вот тогда Селезень точно раздуется от гордости до такой степени, что, не ровен час, лопнет.

Кэт права в своем ехидстве. Странный выбор для подражания-Селезень.

24 мая, воскресенье. А сегодня вспомнила свой разговор с шефом. В неприятном плане.

Я-то намеревалась покуражиться, для чего отрепетировала предварительно каждую свою реплику. Экспромты-не мой конек, все самое удачное, разящее в цель приходит на ум тогда, когда слушатели разошлись по своим углам. Так что мне нужно готовиться заранее. Что я и сделала. При этом продумала разные

варианты развития сюжета, то бишь диалога. Вроде была ко всему готова. Оно и развивалось так, как я ожидала. То есть это был один из вариантов. Второй, к примеру, заключался в том, что шеф спокойно скажет: «Конечно, я и сам об этом думал…» Мечтать не вредно.

Так вот, несмотря на то что все шло по плану, хоть и не по самому лучшему, я сорвалась. Распсиховалась. Сердце забилось, коленки задрожали. И голос тоже. Что хуже всего, поскольку голос-не коленки, шеф наверняка насчет голоса просек.

Почему мне всегда так тяжело разговаривать по поводу зарплаты? Другие идут и выколачивают все, что им надо. Как у них это получается? Это какой-то особый вид искусства. Причем не искусства вести беседу, а искусства знать себе цену.

Не просто знать в смысле понимать, а знать-использовать то, что знаешь. А я как собака: все понимаю про себя, но никому сказать об этом не могу. Не хватает… чего? Смелости? Чего-то, короче, не хватает.

В результате я предпочитаю уволиться и начать все заново в другом месте, постаравшись прийти туда на лучшие условия. И все это фигня! Потому что «лучшие условия» остаются таковыми очень непродолжительное время. Жизнь-то течет, а значит, все время изменяется. С ней изменяются и мои насущные нужды и весь окружающий климат.

Надо как-то переломить ситуасьон. Сколько можно? Уж скоро старость грянет, а я все там же, то есть в вечном конфликте с самой собой. Как бы мне стать стервой? Наверное, этому где-нибудь учат.

– Учат, – подтвердил Тим, которому я рассказала о своих страданиях. – Пойди в Дом книги, купи книжку «Стерва делает карьеру» и вперед.

26 мая, вторник. Не знаю, как там меня лоббировала мисс Подольская, но пока из этого ничего не вышло. Но вот что интересно-я заметила, что уже стала относиться к отказам спокойнее. Понятно, что человек ко всему привыкает, даже жить на улице, у мусорного бачка, но на самом деле я не об этом. Просто когда походишь по интервью да насмотришься на тех, к кому ты собираешься идти работать, то уже ничему не удивляешься. А уж тем более не льешь слезы,

что тебя туда не взяли. Мир полон придурков. Особенно ряды работодателей и тех, кто занимается приемом на работу. Именно поэтому я стала воспринимать каждый новый отказ куда как спокойнее, чем в начале этой эпопеи, которая длится уже… Два месяца?! Офигеть!

28 мая, четверг. Сегодня было очередное собеседование.

Фирма немецкая, называется «Мерсер». Производит и продает оборудование. Им нужен главбух туда, где продают. И еще там оказывают услуги. Какие? Этого не знает никто. По крайней мере, мне это узнать не удалось. Хотя я и пыталась, причем остервенело.

Собеседование проводил гендир. В агентстве г-на Толмачева.

– Решил, что тут будет спокойнее, – пояснил тот. – А там задергают.

Беседа журчала весело, как весенний ручеек. Я рассказала о себе, потом ответила на вопросы. В числе прочих-и на всякие идиотские типа: «Где вы видите себя через пять лет?» Но меня-то уже не смутить! Я-то уже практически ветеран. Плюс незабываемый тренинг г-на Толмачева. Отвечаю легко и даже артистично. Что означает: не надо спешить выкладывать свою домашнюю заготовку. Надо так обыграть ее, будто она прям только что пришла тебе в голову.

В общем, все шло хорошо. До момента, пока он не предложил задавать вопросы. В смысле если меня интересует что-то об их фирме. Конечно, меня интересовало все. И в первую очередь какие такие услуги они оказывают, потому что из предыдущих реплик гендира это никак не было ясно.

– Производственные, – лаконично отвечает он и тут же начинает пространно говорить о перспективах продаж.

Я, естессно, слушаю, не перебивая, поскольку перебивать-это дурной тон. Минут через пять опять возвращаю его к теме об услугах.

И он мне опять:

– Услуги как услуги. Как у всех. Производственные.

И эдакое раздражение звучит в его голосе: мол, чего вяжешься с дурацкими вопросами? И опять переходит на другой предмет, на этот раз-о строительстве новых помещений.

Блин, это что такое? Секретное производство? Или как? После его третьего ухода от ответа я почувствовала, что мне все это надоело. И на его очередной вопрос: «Еще какие-нибудь вопросы?»-я молча покачала головой.

Мы расстались вежливо. А как же иначе? Скорее бы найти что-нибудь да покончить с этим процессом. Хотя бы на какое-то время. Потому что пройдет энное количество лет… и опять захочется… куда-нибудь…

29 мая, пятница. А сегодня мне написала Селезнева. Через «Одноклассников». Просто телепатия какая-то. Но если я так и не собралась, потому что никак не могла придумать, что писать-то, то Селезень сразу взяла быка за рога.

«Привет, Ларина, – писала она. – Увидела тебя тут и решила узнать, как у тебя дела. А то другие тут постоянно, а тебя не видно и не слышно. Чем занимаешься? Где работаешь? Я вот дослужилась до партнерства…» И т. д. и т. п. В том смысле как ей там, в этом партнерстве, кайфно.

– Туфта, – фыркнула Кэт, когда я рассказала ей о селезневском послании. – Пыль в глаза.

– А может, правда. А тебе она писала?

– Нет. Меня она боится. – И Кэт захохотала басом.

И правильно делает. Потому что если бы Селезень написала всю эту ботву Кэт, то огребла бы по полной. А я… я просто ответила ей: все хорошо, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо.

И это действительно так, но ведь «хорошо» у всех разное. Я поняла это, когда буквально через два часа после моего ответа мне пришло второе послание от

Селезня, в котором было очень лаконично написано: «Замужем?»

– Ага! – восторжествовала Кэт. – Это-ее больное место. У нее комплекс отличницы, что означает: нужно, чтоб все в жизни было на пять. Напиши, что ты лесбиянка и в настоящей момент занята серьезной борьбой с нашими законодательными органами за права секс-меньшинств нашей необъятной родины, – посоветовала она.

А что? Между прочим, это идея. Партнерство-это почти банально, а вот борьба за права сексуальных меньшинств…

Блин, нет, ну какая чушь. Я просто написала: «Да. Трое детей. А ты?»

30 мая, суббота. Разговор с Кэт.

– Ты, Ларина, чем думала, когда писала это?!! – бушевала она.

– А что? – спросила я. – Подумаешь, пошутила. Я ей так и собиралась потом написать: «Селезень, ты что? Это-шутка. Замуж-это уже давно в Европе не модно».

– А то, что уже прямо с самого раннего утра эта мымра позвонила мне и дрожащим голосом спросила: правда ли?.. – орала в трубку Кэт.

– Позвонила? – удивилась я. – А откуда узнала твой телефон?

– От Климовой, а та от Феди, а та от Любимовой.

– Охренеть, – пробормотала я. – И что ты ей ответила?

– А я ж не знала, что ты ей написала! – продолжала вопить Кэт. – Хоть бы предупредила! Она спрашивает: это правда про Ларину? А я ей, причем, заметь, спросонья: правда, а что такого? Замуж-это ж так скучно…

– Блин, – вздохнула я. – Шутка не получилась.

– Не получилась, – подтвердила Кэт. – У Селезня сразу же улучшилось настроение. Слушай, скажи, что ты пишешь книги, что пишешь под псевдонимом. Выбери какую-нибудь писательницу, только из полуизвестных, чтобы гарантированно нигде ее фото не было…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bystrova_irina/dnevnik-ofisnogo-murav-ya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити